

той обращают на себя внимание, помимо статей уже названнаго Л. Исаева, «Записки рабочаго» Г. Струмилло и послѣдняя статья Ст. Ивановича, въ которой авторъ убѣдительно доказываетъ, что «надо выбирать» между тремя силами, борющимися за обладаніе Россіей: русскимъ народомъ, большевистской властью и иностраннымъ капиталомъ. Путь перваго — революція. Путь второй — деспотизмъ. Путь третьяго — интервенція.

Главнымъ дефектомъ изданія мы считаемъ его языкъ. Здѣсь не только совершенно неисребимая, очевидно, у русскаго марксиста потребность, даже когда онъ подвергаетъ марксизмъ «ревизіи», — аргументировать непремѣнно отъ писанія Маркса, Плеханова, Каутскаго, пользуясь при этомъ привычными логическими категориями и даже штампованными словосочетаніями: «революціонная метла», «возвращеніе отъ утопіи къ наукѣ» и т. п. Здѣсь болѣе серьезная небрежность и недопустимыя погрѣшности противъ русскаго языка. «Вскормленники», «пассованіе», «формальный партійный единомышленникъ», «мы дѣлаемъ открытыми столбцы журнала» и т. д., — это, согласитесь, немного уже чересчуръ....

М. В.

Новая книга о языкѣ.

Le Langage, introduction linguistique à l'histoire par F. Vendryes, professeur à l'université de Paris. — „La renaissance du livre.“ Paris 1921. Стр. XXVIII+439. Цѣна 15 фр.

Написать книгу о языкѣ, оставалось въ то же время на почтѣ строго лингвистической, это не что иное, какъ составить курсъ языковѣдѣнія, предпріятіе заранѣе обреченное на неулачу при настоящемъ состояніи нашихъ знаній.

Мы уже знаемъ кое-что о языкахъ, но мы почти ничего еще не знаемъ о языкѣ. Только одно ученіе о звукахъ уже обладаетъ своими методами и крѣпко стоитъ на ногахъ, какъ въ своей исторической части (фонетика), такъ и въ описательной (фонологія — подобная дисциплина). Другія же области языковѣдѣнія, какъ напр. морфологія и семантика (иначе, словарь) все еще представляютъ обширное поле для гипотезъ и даже для домысловъ. Пути развитія этой науки были таковы, что лишь въ самое послѣднее время подошла она къ общимъ проблемамъ языка и приступила къ разработкѣ методологическихъ вопросовъ.

F. Vendryes поставил себѣ иную, выполнимую, хотя и не легкую задачу: объяснить, что за наука лингвистика; какими проблемами она интересуется, какихъ результатовъ она достигла и какія стоящія на очереди задачи уже сформулировала. Выполнить онъ эту задачу чрезвычайно удачно, добросовѣстно и умѣло, да же ловко, и далъ хорошую книгу, написанную яснымъ и простымъ языкомъ, какъ только одни французы умѣютъ писать о серьезныхъ вещахъ.

Потребность въ такой книгѣ всѣми настойчиво ощущалась. Давно уже устарѣли и F. Müller, и I. Вугн и A. Hovelacque и D. Whitney. Неограмматиковъ смѣнило новое поколѣніе: M. Brial, F. de Saussure, Фортуатовъ, И. Бодуэнъ-де-Куртена, A. Meillet, Ch. Bally и др. Пора было подвести новые итоги. Во время войны, въ 1916 г. вышла подобная книга, это составленная по запискамъ слушателей лекцій покойнаго Ф. де-Соссюра, читанныя въ Женевскомъ университетѣ (F. de Saussure, Cours de linguistique générale) изданныя его учениками проф. Ch. Bally и прив.-доц. Alb. Suchaut. Это первый опытъ, хотя и неполный, созданія методологіи лингвистики. Значеніе этой книги для языковѣдовъ огромное. Знаменитый ученый впервые обосновываетъ строгое различеніе диахроніи и синхроніи, и разграничиваетъ двѣ лингвистики — историческую и статическую; предлагаетъ новое ученіе о слогѣ; намѣчаетъ основы синтагматики и т. д. и т. д.

Нельзя не пожалѣть, что F. Vendryes, трудъ котораго былъ законченъ еще въ 1914 г., не использовалъ достаточнымъ образомъ лекцій де-Соссюра, хотя бы это и повлекло переработку нѣкоторыхъ частей его собственной книги. Теперь же въ ней оказались крупныя недочеты, какъ напр. отсутствіе изложенія де-Соссюровскаго ученія о слогѣ, полное умолчаніе о синтагматикѣ, часто недостаточно строгое разграниченіе исторіи и статикѣ и т. д. Но эти, равно какъ и нѣкоторые другіе недостатки не умаляютъ огромной цѣнности книги. Если въ ней мало чувствуется присутствіе де-Соссюра, въ ней зато сказывается повсюду влияніе учителя и друга автора A. Meillet, который въ свою очередь былъ другомъ и ученикомъ гениальнаго женева.

Книга открывается главой, посвященной вопросу о зарожденіи языка и заключается очеркомъ, трактующимъ о языковомъ «прогрессѣ». Оба вопроса когда-то чрезвычайно волновали самихъ ученыхъ, теперь же ими интересуется, главнымъ образомъ, широкая публика. Авторъ обстоятельно разъясняетъ, почему первый вопросъ лежитъ за предѣлами лингвистики, которая всюду встрѣчается только съ организованными языками, вмѣющими за собой

долгую историю, и потому лишена возможности наблюдать зарожде-
ние языка. Изучение дѣтскаго языка также не имѣетъ ничего обща-
го съ возникновеніемъ рѣчи: ребенокъ усваиваетъ уже организо-
ванный языкъ старшихъ. Нельзя заключать къ первобытному
праязыку отъ такъ наз. «примитивныхъ» языковъ. Примитивныхъ
языковъ, собственно говоря, нѣтъ: есть общества, психика и учре-
жденія которыхъ, съ нашей точки зрѣнія, кажутся примитивными.
Но языки дикарей въ такой же степени приспособлены къ ихъ
нуждамъ, какъ наши языки приспособлены къ нашимъ потребно-
стямъ. Очень часто языки дикарей оказываются чрезвычайно слож-
ными и въ грамматическомъ и въ словарномъ отношеніи. Нѣтъ ника-
кихъ критеріевъ, чтобы судить о превосходствѣ одного языка надъ
другимъ. Языки существуютъ, какъ социально-техническія устано-
вленія, и такъ же непозволительно говорить объ абсолютномъ «про-
грессѣ» въ области языка, какъ нельзя говорить объ абсолютномъ
прогрессѣ въ области морали или политики. — Есть рѣзкая грань,
отдѣляющая человѣческую рѣчь отъ языка животныхъ — это есте-
ственность, непродолжительность второго и символичность и условность
человѣческаго слова. Вѣдь даже междометія не являются непро-
извольными: уколотившись, французъ или русскій кричитъ — ай!,
а нѣмецъ вскрикиваетъ — ау! Но можетъ ли наука задаваться
вопросомъ, кто, гдѣ и когда первый осозналъ связь между дан-
нымъ крикомъ и его значеніемъ, и сталъ сознательно поль-
зоваться криками для выраженія своихъ желаній?!

Книга состоитъ изъ слѣдующихъ частей: I Звуки, II Грам-
матика, III Словарь, IV Образование языковъ и
V Письменность.

Чрезвычайно ясно, доступно и интересно даже и для непосвя-
щенныхъ изложено ученіе о звукахъ. Много вниманія уделено тому,
чтобы показать, что звуки каждаго языка образуютъ систему. Вся-
кая звуковая система характеризуется прежде всего большимъ
или меньшимъ сближеніемъ, при произношеніи, неба и языка, губъ,
зубовъ и т. д. Самое незначительное перемѣщеніе пункта сближе-
нія и измѣненіе въ степени сближенія, влекутъ за собой видоизмѣ-
неніе всей системы. Искаженія эти, конечно, безсознательны. Когда,
напр., ребенокъ произноситъ (возьмемъ рѣзкій примѣръ) «уодка»,
онъ думаетъ, что говоритъ, какъ и старшіе — «лодка», въ против-
номъ случаѣ онъ стремился бы поправиться. Нѣкоторые лингви-
сты полагаютъ, что вообще никогда новое поколѣніе не усваиваетъ
съ абсолютной точностью произношеніе отцовъ (теперешніе мо-
свичи говорятъ «питухъ», «нивѣста», тогда какъ предыдущее по-
колѣніе говорило «пѣтухъ», «невѣста»). — Отсюда возможность и
даже неизбежность измѣненія во времени звуковыхъ системъ.

языковъ. Но въ направленіи этихъ измѣненій нѣтъ никакой опредѣленности, тѣмъ менѣе можно говорить о какомъ нибудь «прогрессѣ» въ этой области. Не можетъ быть и рѣчи о переходѣ отъ болѣе «трудныхъ» звуковъ къ болѣе «легкимъ» — эти понятія совершенно относительныя. — Говоря о недостаткахъ этой главы, напомнимъ отсутствіе де-соссюровскаго ученія о слогѣ, что отмѣчаетъ и самъ авторъ (примѣч. на стр. 64) и его же градаціи „*arégimes*“. Слѣдовало бы отличать фонологию отъ фонетики. Жаль, что нѣтъ ни рисунка гортани, ни таблицъ соотношенія звуковъ; какъ въ дальнѣйшемъ вообще отсутствуютъ чертежи, схемы, карты, отчего изложеніе проигрываетъ въ наглядности.

Слѣдующая часть посвящена грамматикѣ. Прекрасно и подробно изложена глава, трактующая о морфенахъ, т.е. формальныхъ элементахъ языка, и объ ихъ измѣненіи во времени. Авторъ совершенно не останавливается на возможности превращенія въ морфены случайно схожихъ въ звуковомъ и въ смысловомъ отношеніяхъ частей словъ. Впервые подробно изложено ученіе объ аффективной сторонѣ языка, опирающееся на работы Ch. Bally и Alb. Sechehaye. Непосвященная публика узнаетъ съ изумленіемъ, что до сихъ поръ еще не дано удовлетворительнаго опредѣленія слова, кромѣ развѣ слѣдующаго, принадлежащаго A. Meillet: *Un mot résulte de l'association d'un sens donné à un ensemble de sons susceptible d'un emploi grammatical donné* (Revue de Métaphys. et de Morale, Paris, 1913, стр. 14). Характеръ слова мѣняется отъ одной языковой системы къ другой. Но тѣмъ же причинамъ А. Потебня не находилъ возможнымъ дать общее опредѣленіе предложенія. — Такъ же дѣло обстоитъ и съ грамматическими категоріями. Существуютъ языки (семитическіе и финно-угорскіе), въ которыхъ для насъ неопутимо даже основное различіе между именемъ и глаголомъ.

Авторъ прекрасно дѣлаетъ, что усиленно подчеркиваетъ несоотвѣтствіе между грамматическими и логическими категоріями, но на нашъ взглядъ онъ иногда заходитъ въ этомъ направленіи слишкомъ далеко. Какъ бы ни разнились между собою языковыя категоріи въ различныхъ нарѣчійхъ и какъ бы, съ другой стороны, ни былъ несхожъ ходъ мышленія у различныхъ племенъ (см. напр. Lévy-Bruhl — *Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures*, а такъ же I. Frazer, *The golden bow*) у всѣхъ у нихъ имѣются нѣкоторыя черты общія всѣмъ представителямъ рода *homo sapiens*. Въ изученіи грамматическихъ категорій, особливо широкое обращеніе съ лингвистическимъ методомъ — Въ книгѣ F. Vendryes'a категоріи рода, вида, залога, переходности и т. д. рассматриваются изолированно одна отъ другой, но въ ихъ разнообразномъ преломленіи во всевозможныхъ языковыхъ системахъ, отсюда сугубое впечатлѣніе ихъ абсурдности

съ точки зрѣнія логики. Такъ напр. одни языки различаютъ три рода, другіе два, третьи совѣмъ не знаютъ родовъ; нѣкоторые языки при этомъ различаютъ одушевленность и неодушевленность; другіе же языки знаютъ только «сильный» и «слабый» родъ, иные распределяютъ предметы по «классамъ». Что общаго между всеѣми этими представленіями, если ихъ подводить подъ терминъ «рода»?

Необходимо разсматривать грамматическія категоріи, въ предѣлахъ единой языковой системы, какъ связанныя между собою члены единаго языковаго механизма, тогда онѣ не покажутся намъ произвольными и даже бессмысленными. Но если напр. въ современномъ русскомъ глаголѣ категоріи дѣйствующаго лица, вида, залога, переходности и времени тѣсно сплетены между собою, то надо предположить, что такъ же обстояло дѣло и съ извѣстными намъ категоріями въ индо-европейскомъ праязыкѣ.

Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что индо-европ. праязыкъ прежде всего различалъ одушевленность и неодушевленность. Понятно, что, въ связи съ мистическимъ укладомъ мысли нашихъ предковъ, грань между обѣими категоріями не совпадала со свойственнымъ намъ дѣленіемъ именъ существительныхъ (хотя, почему «мертвецъ» грамматически одушевленный предметъ: «Тятя, тятя! наши сѣти притащили мертвеца!», а «трупъ» — неодушевленный?). У нѣкоторыхъ дикарей къ существамъ относятся не только свѣтила небсныя, громъ, дождь, но и растенія и даже табакъ, сани, огниво и т. д. Подлежащимъ во фразахъ могъ быть только одушевленный предметъ, т. е. подлинный дѣятель. Неодушевленные предметы были объектами дѣйствія и являлись дополненіями, но никогда подлежащими. Различеніе мужского и женскаго родовъ относилось, конечно, только къ одушевленнымъ предметамъ и опиралось на различеніе половъ и качествъ приписываемыхъ каждому полу, почему оно и могло не отражаться грамматически (ср. русскіе: «мужчина» и «женщина»). Фраза въ нашихъ языкахъ всегда имѣетъ дѣйственный, драматическій характеръ: подлежащее дѣйствуетъ и волеетъ. Живой дѣятель заинтересованъ въ результатѣ своего дѣйствія, — отсюда различеніе результативнаго или совершеннаго вида и нерезультативнаго, несовершеннаго. Съ первымъ связана переходность дѣйствія: результатъ наиболѣе осязательный заключается въ томъ, чтобы достигъ объектъ дѣйствія. По тѣмъ же причинамъ индо-европейскій праязыкъ не зналъ пассива, ибо подлежащее всегда дѣйствовало. Возможно, что пассивъ появился только тогда, когда и неодушевленные предметы стали выступать въ качествѣ подлежащаго фразы (наполовину превратившейся въ грамматическую форму) въ тѣхъ случаяхъ, когда объектомъ ея оказывался одушевленный предметъ. Тутъ была

какая то несоразмѣрность между причиной и слѣдствіемъ, и пассивъ отражалъ эту ненормальность (ср. въ русскомъ языкѣ «активный-пассивъ»: «солдата убило пулею»). — Возможно, что первыя безличныя предложения, обозначающія явления природы, были обязаны своимъ возникновеніемъ закону «табу», который запрещалъ по религіознымъ причинамъ называть нѣкоторыхъ дѣятелей по имени, и вмѣсто, скажемъ, «громъ гремитъ», говорили «этотъ», — а позже — «это гремитъ» и т. д. (Между прочимъ F. Vendryes совершенно не упоминаетъ о безличныхъ предложенияхъ, кромѣ типа „*il tu r*“.) — Такое гипотетическое, но отнюдь не фантастическое построеніе было бы вполне допустимо въ сочиненіи типа разсматриваемой нами книги.

Мы считаемъ также недостаткомъ книги, что авторъ не счелъ нужнымъ остановиться поподробнѣе на искусственныхъ языкахъ, напр. на эсперанто, чтобы путемъ анализа ихъ грамматики и словаря вскрыть глубже разницу между логическимъ и аффективнымъ языкомъ.

Третья глава изучаетъ семантическую сторону языка. Освѣщеніе обширнаго матерьяла согласовано съ новѣйшими ученіями. Слово имѣетъ значимость актуальную и единичную, т. е. ограниченную моментомъ употребленія и его дѣлюю (теорія Ch. Bally). При изученіи вопроса о томъ, какъ слова мѣняютъ значеніе и какъ понятія мѣняютъ свои имена, на первый планъ выдвинутъ социальный факторъ, въ согласіи съ работами Durkheim'a, Bergs'a также и A. Meillet, который учитъ, что главную причину измѣненій значенія словъ нужно искать въ томъ фактѣ, что лица говорящія распределены между различными социальными группами и что слова переходятъ изъ одной группы въ другую. Отмѣченъ и аффективный моментъ, т. е. потребность въ экспрессивности слѣва, которая, конечно, быстро выдыхается. — Въ этой части сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, подчеркнута разница между исторіей и статикой.

Предпоследняя глава разсматриваетъ вопросъ объ отношеніяхъ между языками: діалекты, говоры, семейства языковъ, жаргоны, литературный и «общій» языки и т. д. Вдохновенныя страницы (324—325) посвящены роли литературнаго языка въ дѣлѣ воспитанія языковой нормы, т. е. того идеальнаго языка, который служить намъ мѣриломъ правильности, точности и красоты нашей рѣчи. Онъ никогда не осуществимъ, но къ нему болѣе всего приближается языкъ нашихъ мастеровъ слова. Этотъ гимнъ литературному языку звучитъ особенно убѣдительно. Казалось бы, что современный лингвистъ будетъ всюду выдвигать приматъ разговорнаго языка передъ литературнымъ, хотя бы только для того, чтобы возможно рѣзче отмежеваться отъ филологовъ и лингвистовъ прежняго времени. Въдѣ тѣ считали письменные памятники един-

ственнымъ объектомъ достойнымъ вниманія ученаго, въ живомъ языкѣ, текучемъ и разнообразномъ, они видѣли лишь упадокъ и разрушеніе, и были готовы вмѣстѣ съ А. Schleicher 'омъ считать исторію врагомъ языка. — Полезно было бы нашимъ педагогамъ познакомиться съ этими страницами, какъ и со всей книгой, ибо они часто склонны пренебрегать языковой «нормой» въ дѣлѣ обученія родному языку, подъ предлогомъ свободнаго развитія индивидуальности ребенка..

Наконецъ, послѣдняя часть излагаетъ исторію письменности у различныхъ народовъ. Авторъ довольно подробно останавливается также на необходимости постепеннаго упрощенія орфографіи современныхъ языковъ.

Отмѣтимъ слѣдующій непонятный намъ пропускъ. На стр. 412, авторъ говоритъ объ исчезновеніи изъ франц. яз. формы *passé défini* (*je fis*) въ связи съ опрошеніемъ *passé indéfini* (*j'ai fait*), которое ощущается теперь, какъ простая форма. Но онъ почему-то упускаетъ отмѣтить, что нѣкоторые говоры стремятся восстановить новое сложное прошедшее время въ формѣ *j'ai en fait*. — Оставлень такъ безъ разсмотрѣнія такой большой фактъ, какъ сравнительно слабая диалектическая дифференціація въ великорусскомъ языкѣ.

Книга заслуживаетъ самаго большаго вниманія со стороны какъ специалистовъ, такъ и широкой публики. Слѣдуетъ пожелать ей появиться и на русскомъ языкѣ.

Прив.-доцентъ **Сергій Нарцескій.**

„Мысль“. Журналъ Петербургскаго Философскаго Общества, подъ редакціей Э. Л. Радлова и Н. О. Лосскаго.

Послѣ значительнаго перерыва вышелъ второй номеръ этого журнала, приглашаго, быть можетъ, замѣнить московскіе «Вопросы Философій и Психологій». Съ радостью мы констатируемъ, что работа философской мысли въ Россіи продолжается и что никакія потрясенія, политическія, экономическія, моральныя не въ силахъ парализовать дѣятельность чистаго, незаинтересованнаго мышленія, стремящагося постигнуть вѣвременною значимость вещей.

Если бы не новое правоисаженіе, то, судя по первому впечатлѣнію, ничто не отличало бы послѣреволюціонную «Мысль» отъ старыхъ «Вопросовъ Философій и Психологій». Та же, какъ будто, бу-